

Саша НЕМИРОВСКИЙ

ДЖАЗ-КАФЕ

Что тебе рассказать про джаз-кафе?
Одно из последних, дышащих на ладан
строкой саксофона.
В местах, где, закон
не нарушив, нельзя покурить.
Да и ладно.
Открыто в weekend. На ковре —
следы пятен.
Пожилой пианист — в пальцах прыть,
знаменитый ударник, певица, тромбон (чуть невнятен)
скромно делают джаз на малюхонький зал.
Из сифона
за барною стойкой, за стенкой, в бокал
разливается эль и патроны,
смеясь и качаясь в синкопах,
ногами стучат по паркету.
В душном зальчике лето.
Вот девчушка из прошлого века,
забросив за спинку пальто,
гонит воздух салфеткой.
Тот веер ее
раздувает туман Миссисипи
над воронкой трубы,
чтобы он поднимался под люстру.
Ее кавалер, неуклюже рассыпав
закуску,
подначит в пространство: «Играй, не вникай!»
Низкой крыши опоры-столбы
изогнутся стволами.
«Summertime»
поплывет. А он вспомнит течение Невы.
Время, место, где дым и туман в пополаме
покрывают буксирный тягач.
Как похоже дрейфует в стакане
мартини маслина, проплывая от стенки
до стрелки,
где остров из кремня.

Саша Немировский (Александр Немировский) — поэт, писатель, хай-тек-антрепренер, гражданин мира. Родился в 1963 году в Москве. Считается основоположником поэтического стиля «джаз-поэзия». Автор пяти книг стихов и прозы и многочисленных публикаций в изданиях США, Германии, Финляндии, России. Член Санкт-Петербургского Союза писателей (иностранное отделение).

То же синее небо и ясное
солнце. То же «Летнее время»,
в котором и папа богач,
да и мама прекрасна,
и ты, моя бэби, не плачь.

ВЫБОР

Как говорить с девчонкой на пороге материнства?
Мелькает слышимое слово перед божьим.
Раздвинулись границы
языка.
В них невозможен
стыд. Грядущее присутствует, пока
незримо,
и судит не обрамленным в глазницы
взглядом.
Зачем мы здесь, когда бы не за Этим?
И кем хранимы,
если не Всевышним?
Так над весенним,
еще спящим садом
в преддверье мыши
ухает сова,
да полнолуны свет подробно смотрит в нишу,
выхватывая: грех, кровать,
фасад
от хижины —
спектакль давней встречи.
Кто храбрым был, а кто сегодня смел,
когда сплетенье тел —
глаголом высшей речи
звучало вслух?
Чтоб, отломав щепоть,
мел
той луны просыпался в питье
и дух
смог опуститься в бытие,
благословляя человечью плоть.

АВСТРИЙСКАЯ ОТКРЫТКА

Ноябрь. Вена. Здание музея. Старший Брейгель.
Наряженная елка.
Зачем я здесь?
Гениальные панели,
взвесь

мороси, что воздуха барокко
легла на спесь
фасадов, на кафедральных башен стебли.
Весь город разукрашен
к Рождеству, что длится месяц
из обветшалых дней.
Как пряна ночь искусственных огней,
когда над улицами люстры светят,
когда ступени лестниц,
не стыдись граффити,
нарядных девочек ведут на пьедестал.

Дождь перестал.
В зените
красный шар — как есть намек.
Полотна площадей, холсты дворцов.
Под козырек
парадного подъезда забился фэзтон.
Зажаты тормоза.
Возница что-то мямлит —
немецкого стаккато сухота.
Кариатиде мокрое лицо
поможет вряд ли,
где каменных орлов отбеленный жетон
все стережет
еврейского квартала воздух
от побега. Барух ата...
Прижата глыбой память холокоста
на Юденплац.
Давно ли Питер рисовал те кости?
Почти полтысячи годов тому назад.

* * *

Мы спорим о птицах,
как будто свобода — синоним полета.
Помню, трамвай мерзлым утром везет на работу
мою повседневную тень,
чтоб вечером темным обратно вернуть.
И жизнь утекает меж пальцев. Меняются лица.
На завтра отложено счастье. Оно непременно случится.
Чуток пережди дребедень,
потом позабудь.

Не кончается вальс,
лишь природа сменяет мгновенья.

Вот рождается Слово, встает с колыбели и курит в окно.
Собираются гости. На раз
на столе накрывают соленья,
и кажется, больше другого уже не дано.

От снов
разноцветных к эпохе
помятых бессонниц
по ветру вращается лист, представляя, что путь выбирает.
Его дерево сохнет,
да служат мишенью
для молний залысины кроны.
И кто его знает?
Он счастлив короткий отрезок движения,
что делит с вороной.

ГОРИЗОНТ

Осталось некрасиво постареть,
желания упаковать в бессилье,
пересмотреть
фотоальбомы, стиль
одежды, что носили,
и ту, что далее носить, пересмотреть.
Давно не треть,
давно за половину —
статистика отсчитывает срок.
Что раньше брал и делал —
ломит спину,
не впрок
еда. Да, это времени симптомы —
оброк
стригущего с пространства тела
болями, легкостью походки,
взглядом незнакомых
дев, скользящим мимо.
Осталось, меньшего прося,
умело
поменять привычки, кротко
жизнь жизни в жертву принося.
Осталось — в маске грима —
придумывать капризы, быть у дел,
незримо
двигать грани компромисса.
Уйти и не почувствовать предел.

СОЛДАТ

Ну плесни ностальгии
на два пальца в граненую рюмку.
Эта водка не вызывает похмелья,
она лишь футляр для беседы.
О чем? — да наутро не вспомнить.
Улетели валькирии —
значит, мы победили соседа,
из оставшихся сил задираем красавице юбку,
понятное дело, в продолжение веселья.
Что, нескромно? —
так пес его!
За Кесаря
мы теперь голосуем ногами.
Побег — это тоже победа, где на выходе жизнь.
Я возьму себе ангела замуж. Нам тесная
комната будет дворцом. Там, шить
научившись,
она мне подарит накидку на шрамы.

Когда перестанут пугаться,
тогда я начну забывать. Только вряд ли забуду.
На войну отлучившись
однажды, с нее не вернуться.
Будут
всюду мерещиться ямы,
и в них иноверцы, что грудой
доверху. Ты выбрал — остаться.
Стремясь не споткнуться,
набивши карманы,
мы в храмы
приносим чуток подношенья,
опять начиная ходить, а не красться.

Ну еще на два пальца.
Мы пытались брататься
в избежание срама.
Победители — в пляс.
А теперь, в отрешенье,
ждать и молиться, чтоб не вышел приказ.